

Ася — эпизод 2 из 20

Маленькая статуя мадонны с почти детским лицом и красным сердцем на груди, пронзенным мечами, печально выглядывала из его ветвей. На противоположном берегу находился городок Л., немного побольше того, в котором я поселился. Однажды вечером сидел я на своей любимой скамье и глядел то на реку, то на небо, то на виноградники. Передо мною белоголовые мальчишки карабкались по бокам лодки, вытасченной на берег и опрокинутой насмоленным брюхом кверху. Кораблики тихо бежали на слабо надувшихся парусах; зеленоватые волны скользили мимо, чуть-чуть вспухая и урча. Вдруг донеслись до меня звуки музыки; я прислушался. В городе Л. играли вальс; контрбас гудел отрывисто, скрипка неясно заливалась, флейта свистала бойко.

Что это? спросил я у подошедшего ко мне старика в плисовом жилете, синих чулках и башмаках с пряжками.

Это, отвечал он мне, предварительно передвинув мундштук своей трубки из одного угла губ в другой, студенты приехали из Б. на коммерш.

А посмотрю-ка я на этот коммерш, подумал я, кстати же я в Л. не бывал. Я отыскал перевозчика и отправился на другую сторону.

Добрый вечер! (нем.).

Может быть, не всякий знает, что такое коммерш. Это особенного рода торжественный пир, на который сходятся студенты одной земли, или братства (Landsmannschaft). Почти все участники в коммерше носят издавна установленный костюм немецких студентов: венгерки, большие сапоги и маленькие шапочки с околышами известных цветов. Собираются студенты обыкновенно к обеду под председательством сениора, то есть старшины, и пируют до утра, пьют, поют песни, Landesvater, Gaudeamus, курят, бранят филистеров; иногда они нанимают оркестр.

Такой точно коммерш происходил в г. Л. перед небольшой гостиницей под вывескою Солнца, в саду, выходившем на улицу. Над самой гостиницей и над садом веяли флаги; студенты сидели за столами под обстриженными липками; огромный бульдог лежал под одним из столов; в стороне, в беседке из плюща, помещались музыканты и усердно играли, то и дело подкрепляя себя пивом.

На улице, перед низкой оградой сада, собралось довольно много народа: добрые граждане городка Л. не хотели пропустить случая поглазеть на заезжих гостей. Я тоже вмешался в толпу зрителей. Мне было весело смотреть на лица студентов; их объятия, восклицания, невинное кокетничанье молодости, горящие взгляды, смех без причины лучший смех на свете всё это

радостное, кипение жизни юной, свежей, этот порыв вперед куда бы то ни было, лишь бы вперед, это добродушное раздолье меня трогало и поджигало. Уж не пойти ли к ним? спрашивал я себя...

Ася, довольно тебе? вдруг произнес за мною мужской голос по-русски.

Подождем еще, отвечал другой, женский голос на том же языке.

Я быстро обернулся... Взор мой упал некрасивого молодого человека в фуражке и широкой куртке; он держал под руку девушку невысокого роста, в соломенной шляпе, закрывавшей всю верхнюю часть ее лица.

Вы русские? сорвалось у меня невольно с языка.

Молодой человек улыбнулся и промолвил:

Да, русские.

Я никак не ожидал... в таком захолустье, начал было я.

И мы не ожидали, перебил он меня, что ж? тем лучше. Позвольте рекомендоваться: меня зовут Гагиным, а вот это моя... он запнулся на мгновение, моя сестра. А ваше имя позвольте узнать?

Я назвал себя, и мы разговорились. Я узнал, что Гагин, путешествуя, так же как я, для своего удовольствия, неделю тому назад заехал в городок Л., да и застрял в нем. Правду сказать, я неохотно знакомился с русскими за границей. Я их узнавал даже издали по их походке, покрою платья, а главное, по выражению их лица. Самодовольное и презрительное, часто повелительное, оно вдруг сменялось выражением осторожности и робости... Человек внезапно настораживался весь, глаз беспокойно бегал... Батюшки мои! не соврал ли я, не смеются ли надо мною, казалось, говорил этот уторопленный взгляд... Проходило мгновение и снова восстанавлилось величие физиономии, изредка чередуясь с тупым недоумением. Да, я избегал русских, но Гагин мне понравился тотчас. Есть на свете такие счастливые лица: глядеть на них всякому любо, точно они греют вас или гладят.